

Кто Юрий **МУХИН**
на самом деле
развязал
Вторую Мировую
войну?

Юрий Мухин

**Кто на самом деле развязал
Вторую Мировую войну?**

«Яуза»

Мухин Ю. И.

Кто на самом деле развязал Вторую Мировую войну? /
Ю. И. Мухин — «Яуза»,

Главная книга ведущего историка-сталиниста! Сенсационное расследование самой зловещей тайны минувшего столетия. Разоблачение преступного заговора против России. Решительная отповедь клеветникам-ревизионистам, перевирающим историю Второй Мировой, чтобы представить СССР зачинщиком и виновником величайшей трагедии XX века, а Польшу – «невинной жертвой кровавых диктаторов». Но так ли уж невинна была эта «жертва»? За что панскую Польшу окрестили «гиеной Европы»? Почему накануне войны польские власти отвергли все мирные предложения? Кто подталкивал их к эскалации конфликта и блокировал любые попытки достигнуть компромисса? Какие силы спровоцировали «бесноватого фюрера» на самоубийственный блицкриг и помешали Сталину создать антигитлеровскую коалицию еще в 1939 году? Кто на самом деле развязал Вторую Мировую войну?

© Мухин Ю. И.

© Яуза

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Называть вещи своими именами	7
Загадки польского менталитета	8
Польша – во все века Польша	11
Начало суверенитета Польши	16
Польша «А» и Польша «Б»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юрий Иванович Мухин

Кто на самом деле развязал Вторую Мировую войну?

*«Государства погибают тогда, когда
перестают отличать дурных от хороших».*
Антисфен, V в. до н. э.

Предисловие

О Катынском деле – о поиске того, кто казнил около 10 тыс. польских офицеров, сдавшихся в плен в войне 1939 г., – вряд ли в России кто-либо не слышал вообще ничего, но вряд ли многие знают, почему этот эпизод Второй мировой войны раздут в Польше до масштабов всемирного потопа.

1 сентября, выступая в Гданьске на церемонии, посвященной 70-летию начала Второй мировой войны, премьер-министр России В. Путин унижил Россию, заявив, что *«нужно признать эти ошибки. Наша страна сделала это. Госдума Российской Федерации, Парламент страны осудили пакт Молотова – Риббентропа. Мы вправе ожидать того, чтобы и в других странах, которые пошли на сделку с нацистами, это тоже было сделано. И не на уровне заявлений политических лидеров, а на уровне политических решений»*. Путин унижил Россию потому, что в этом пакте Молотова – Риббентропа нет ничего унижительного для России, нет ничего, за что стоило бы этот пакт осуждать. Но Путин пошел на это унижение России, чтобы улучшить отношения с Польшей. Он говорил, что создалась ненормальная ситуация, когда отношения России с Германией, с которой СССР воевал, лучше, чем с Польшей, которую СССР освободил. Мне не нравится Путин, но в данном случае он делал все, чтобы примирить наши страны.

А поляки в ответ на это предложение плюнули в лицо России. 23 сентября сейм в Варшаве обвинил СССР в геноциде польского народа. *«Семнадцатого сентября 1939 года войска СССР без объявления войны совершили агрессию против Речи Посполитой, нарушая ее суверенитет и попирая нормы международного права. Основание для вторжения Красной Армии дал пакт Молотова – Риббентропа, заключенный 23 августа 1939 года в Москве между СССР и гитлеровской Германией. Таким образом был произведен четвертый раздел Польши. Польша пала жертвой двух тоталитарных режимов – нацизма и коммунизма»*, – говорится в документе сейма. Поляки упорно гнут дело к получению денежной дани с России теперь уже за мнимый геноцид и используют, как дубинку, для получения этой дани Катынское дело.

Я даю в этих двух книгах две точки зрения. По существу, даю спор между двумя следственными бригадами. Когда в 1943 г. начало раскручиваться это дело, то непосредственно руководил этим раскручиванием в Германии Йозеф Геббельс. Его можно и нужно ненавидеть, но необходимо относиться к нему и с пониманием: он ведь возглавлял пропагандистские войска Германии. И каждая его пропагандистская битва, а Катынское дело – именно такое сражение, спасала жизнь немецких солдат и наносила потери противникам Германии. Он был солдатом и делал все для блага своей Родины, такой, как он ее понимал и хотел видеть.

В «Катынском детективе» я отнес всех, кто фабрикует дело в духе Геббельса, к его бригаде, назвав их «следователями бригады Геббельса». Не думаю, чтобы патриот Геббельс был в восторге от таких «общечеловеков», но пусть терпит – он при жизни использовал подонков, пусть принимает их компанию и после смерти. Это же название я оставляю и в настоящей

книге, перечислять я их не буду, они сами всплывут по тексту, а кого пропущу, тех в свое время разыщут.

Тех же, кто отстаивает версию СССР, т. е. то, что пленных поляков расстреляли немцы, я назвал «бригадой Сталина» и для этой книги данное название оставляю в силе.

Итак, уважаемые читатели, будьте в этом деле судьями – садитесь поудобнее и начинайте анализировать те доказательства, которые начнут представлять вам для рассмотрения обе эти бригады.

Глава 1

ПОЛЬША ПОД ПЯТОЙ ШЛЯХТЫ

*«Вот уже 500 лет Польша причиняет
постоянную головную боль Европе.*

Пора, наконец, поставить в этой теме точку».

Ф.Д. Рузвельт, 1945

Называть вещи своими именами

По своему опыту знаю, что многие читатели будут категорически мною недовольны за то, что я употребляю слова «подлецы, подонки, мерзавцы, негодяи», а слово «идиот» у меня будет встречаться чуть ли не в каждом абзаце. Поясню, зачем я это делаю.

Когда речь идет о твоей Родине, то беспристрастным к ней может быть только подонок, а нормальные люди к своей Родине пристрастны. А я нормальный гражданин Советского Союза. Более того, и в любом ином деле мы остаемся беспристрастными или бесстрастными только тогда, когда это дело или эти люди нам безразличны. А мне Катынское дело и бригада Геббельса очень небезразличны, и я мог бы вам это долго и безуспешно доказывать, но вместо этого я употребляю все вышеозначенные слова, и вам все будет понятно и без моих объяснений. Неприлично быть беспристрастным по отношению к врагам своей Родины, а они враги, и я им не «беспристрастный исследователь», а враг.

Есть еще один момент, о котором читатели могут не догадываться. Как только «историк» или «ученый» начнет убеждать вас, что он беспристрастен, или начнет делать вид беспристрастности, то вам следует ожидать, что он вас сейчас обманет. Вспомните, что самую бесстрастную физиономию всегда имеет карточный шулер. Вот вы уже прочли немного текстов бригады Геббельса. Разве эти тексты не беспристрастны? Да они сама академическая честность! А разве это помешало им жульнически не сообщить вам, что по Уставу МВТ можно судить только пособников антикоминтерновского пакта? И обратите внимание, в это время у бригады Геббельса глаза были честные-честные и лица беспристрастные.

Это судьи обязаны рассматривать дело беспристрастно, а судьи – вы, вот и будьте беспристрастными, а я «сторона процесса» и могу позволить себе презирать этих подонков. Не скрою, когда 8 лет назад я сел писать «Катынский детектив», то был болен – на поляков смотрел как на братьев, а к бригаде Геббельса старался быть беспристрастным. Но за это время поляки меня вылечили, а бригада Геббельса достала. И терапевтические приемы у них были одинаковы – рвотные пилюли подлости и вонючие припарки наглости. Так что спасибо им, теперь я здоров.

Читатели могут сказать, если Мухин не беспристрастен, то как же верить тому, что он пишет? Он же может извратить факты! Наверное, могу, пока не пробовал – не было необходимости. Но даже если я их и извращу, то ведь я даю в книге слово бригаде Геббельса – перепечатаваю все их суммарные доказательства по Катынскому делу, хотя это и удорожает издание книги. И у читателя нет необходимости верить мне. Сравните то, что дает бригада Геббельса, с тем, что даю я, оценивайте логику и будьте беспристрастными. А мне-то перед Польшей бисер метать ни к чему, а перед бригадой Геббельса – просто недостойно. Россия сегодня в такой ситуации, что нам пора называть вещи своими именами.

Загадки польского менталитета

Итак, мы видим и увидим дальше, что эксперты и специалисты бригады Геббельса «убедительно доказали», по крайней мере себе, что юную, невинную девушку Польшу изнасиловали противоестественным способом два зловещих сатира – Германия и СССР, – а потому эти насильники безусловные преступники и подлежат суду. Надо сказать, что когда историки исследуют этот период, то они, вне зависимости от взглядов, основное внимание уделяют Германии и СССР, их лидерам Гитлеру и Сталину, а лидеры Польши остаются в тени, в лучшем случае их если и упрекают, то в некой неосмотрительности или неосторожности. Борьба в исторической науке идет между теми, кто доказывает, что Сталин поступил с Польшей как сумасшедший негодяй, и между теми, кто доказывает, что у Сталина не было иного выбора. Польша же в любом случае остается кем-то вроде жены Цезаря, которая вне подозрений.

Давайте ради разнообразия посмотрим в данном вопросе не столько на насильников, сколько на жертву изнасилования, и на то, таким ли уж противоестественным для Польши способом насиловали эту белокурую и голубоглазую девственницу.

Однако прежде следует понять для себя, кто такая эта Польша, кого мы будем иметь в виду, когда употребляем это понятие. В любой стране носителями национальных, государственных и политических идей является относительно небольшая группа людей, которых иногда называют правящим классом, что, на мой взгляд, некорректно, а сами себя они называют элитой, что еще более сомнительно. Это члены правительства, депутаты, журналисты и вообще любой, кого эти вопросы интересуют и кто способен свои идеи распространять среди обывателя, который сам над идеями государственности думать не желает. Любая нация хранит традиции, и, соответственно, элита разных стран имеет свои традиционные особенности, которые если и изживаются, то очень долго и трудно. Соответственно, ни одна страна не договорится с другой, если в основе договора будет лежать нечто, что противоречит особенностям данной элиты.

К примеру, ни одна христианская страна не заключит договор с мусульманской, если в его основу положит требование прекращения многоженства, как бы это ни было выгодно простому человеку данной мусульманской страны. Можно убеждать мусульман, что мальчиков и девочек рождается примерно одинаковое количество, более того, в гаремах мальчиков рождается больше, чем девочек, следовательно, если в данной стране есть богатые люди, имеющие четырех жен, то есть и простые, которые ни одной не имеют. А это ведь несправедливо. Но это все логика, а особенности национальной элиты – это традиция, которая логике может быть и неподвластна.

Еще пример. Главным кредо еврейской элиты является то, что жить нужно только в той стране, в которой это материально выгодно, и без сожаления бросать ее, если становится выгодно жить в другой стране. Мысль эта привлекательна для элиты многих стран, но совершенно противоречит самурайскому духу элиты Японии, согласно которому жизнь нужно посвящать служению обществу. В результате, если христианская элита охотно идет на договор с еврейской элитой и сегодня почти все развитые страны имеют укомплектованные еврейскими банковскую систему и средства массовой информации, то в Японии еврейской элиты нет совершенно, хотя нет в Японии и ни единого закона, который евреи могли бы объявить анти-семитским.

А в Польше элита и народ настолько различны, что это не видно только полякам. Вот, скажем, учебник «География России» для средних учебных заведений, выпущенный 2-м изданием товарищества Сытина в 1914 г., описывает физические типы многонационального населения Российской империи и в том числе поляков: *«Физический тип поляка привлекателен: он строен, красив, ловок и силен. Характером поляк обладает твердым, настойчивым, но вме-*

сте с тем подвижным, предприимчивым, легко возбуждающимся. Кроме того, поляка отличает приветливость в общении, веселость, кажущаяся на первый взгляд даже легкомыслием, и склонность к поэзии и музыке: почти всегда он напевает песни и при всяком удобном случае пускается в пляс (польские танцы – мазурка, краковяк и др. – прославились повсеместно); по деревням бродит много певцов и музыкантов. Однако многовековое крепостное право наложило на народ свою печать, выражающуюся в показной приниженности и раболепности перед имеющими власть и силу.

Ни у одного народа, пожалуй, не были так велики сословные различия, как у поляков. Дворянство всегда стояло особняком от народа (хлопов), и в нем выработались совершенно отличные черты характера. Богатство, праздность (благодаря крепостному труду), сопровождаемые непрерывными развлечениями, придали высшему сословию черты легкомыслия, тщеславия и любви к роскоши и блеску, доведшие государство до гибели. Но вместе с тем природная одаренность, развившаяся от общения с европейской культурой, дала прекрасные плоды: в области изящной литературы, науки, живописи, скульптуры и музыки поляки выдвинули ряд известных всему миру деятелей (Коперник, Шопен, Мицкевич, Семирадский, Сенкевич и др.)».

Как видите, даже авторский коллектив, безмерно восхищенный «культурой» поляков, не смог обойти вниманием вопрос о том, что в Польше живут как бы два различных народа: хлопы и шляхта.

Второй мировой войне предшествовали годы контактов различных стран друг с другом, десятки их договоров между собой. Но война началась, значит, все это не сработало, значит, нужных договоренностей страны (их элиты) достичь не смогли. Практически все историки сходятся во мнении, что если бы Польша заключила договор о взаимопомощи с СССР, то немцы не посмели бы на нее напасть и, следовательно, не было бы и Второй мировой войны. Советский Союз десятки лет до самого начала войны бился об Польшу, как рыба об лед, пытаясь заключить с ней этот договор, но не смог. Шляхта предпочла отдать народ Польши на растерзание немцам, но договор с СССР не заключила. Почему?

Очевидно, потому, что элита Польши имела особенности, которые позволили ей так поступить. Эти особенности всем бросаются в глаза, но логически понять их невозможно. Скажем, люди старательно обливают керосином свой прекрасный дом, поджигают его, а затем бегут проситься на квартиру к другим. Можете ли вы в здравом смысле отыскать хотя бы одну причину, почему так надо поступать? В плане антисоветской пропаганды какое-то здравое объяснение поведению поляков пытаются найти многие, но получается неубедительно, а чаще – просто глупо. И даже когда историк пытается подойти к этой проблеме объективно, нормальной логикой поведение поляков описать трудно. Вот, к примеру, непонятное поведение Польши пытается объяснить польский публицист Збигнев Залуский:

«Рижская граница¹разделила не только земли. Эта кровотокающая линия фронта по состоянию на осень 1920 года, в соответствии с которой была проведена новая граница, надолго разделила народы, а не только правительства. Пилсудский позднее писал, что его целью было отделить Польшу от революционной России по возможности более широким пространством...

...Легенда 1920 года, базирующаяся на этом реальном опыте, развиваемая и цементируемая сознательно и умело «воспитательными силами» Второй Республики, стала основой повседневного, бесспорно небогатого, но прочного мировоззрения значительной части, по крайней мере, двух поколений поляков.

В этой легенде содержались две, правда, противоречащие друг другу, но настойчиво внушаемые людям идеи.

---

¹ Граница, которая была установлена после военной победы Польши над РСФСР в 1920 г.

Одну из них я бы выразил словами «мы сами». Битва за Варшаву была первой на протяжении двухсот с лишним лет выигранной поляками крупной битвой, а польско-советская война – первой за тот же период выигранной войной. Поддержка со стороны Петлюры или скоординированное по времени наступление Врангеля не оставили заметного следа в общественном сознании. Пилсудчики тоже хорошо доработали, подчеркивая свои заслуги в этой победе. В результате возобладала убежденность, что мы сами, собственными силами отразили большевистское нашествие, победили Россию – одну из самых крупных европейских держав. Значит, мы сами являемся державой, значит, мы многое можем, если только захотим, если напряжем свои силы. Эта убежденность, которую чаще разделяли простые люди, чем руководители государства, лучшие сориентированные в подлинном характере этой победы, наложила свой отпечаток на политику и идеологию Польши межвоенных лет и периода Второй мировой войны. Бесспорно, если бы поляки подошли более критически к оценке своих сил, труднее было бы ставить перед Польшей задачи, превышающие ее возможности, не укоренилась бы чрезмерная вера в собственные возможности, не было бы позже столько разочарований и обид.

Вторая идея – «Европа не даст нам погибнуть». В общественном сознании сохранились отголоски заинтересованности Запада, особенно Франции, в судьбе Польши в 1920 году. Эскадра имени Костюшко, американские и итальянские летчики-добровольцы, французские инструкторы, генерал Вейган за штабным столом Маршала Пилсудского, позднейшие визиты Фоша, которому присвоили звание Маршала Польши. Это укрепляло убежденность, что мы нужны Западу, что в критический момент он не даст нам погибнуть. До человеческого сознания не доходили близорукость и ограниченность этой заинтересованности. Не помнили о горечи визита польской делегации в Спа, где союзники вынудили Польшу согласиться на исключительно неблагоприятные для нас решения на севере, западе и юге взамен на обещание иллюзорной интервенции в пользу Польши в Москве, интервенции, которая, впрочем, не принесла никаких результатов. Не знали, что, когда шло сражение под Радзымином и когда в польский штаб явился генерал Вейган, Пилсудский спросил его: «Сколько дивизий Вы привели с собой?» А на ответ, что ни одной, Пилсудский жестко прореагировал: «Тогда зачем Вы вообще приехали?» Зато знали сладкие слова и помнили их.

Подлинный опыт и ложные выводы из этой самой большой польской войны 1920 года оказывали немалое влияние на политику всей Второй Республики и на национальное самосознание вплоть до последних дней последнего из активных участников тех событий»¹.

Польша – во все века Польша

Нет нужды оспаривать те особенности менталитета польской элиты, на которые указал Залусский и которые видны всем. Это, во-первых, невероятные спесь и гонор, которые Залусский деликатно называет или в самом деле считает «необоснованной уверенностью в собственных силах», и, одновременно, желание переложить последствия этой спеси на кого-то другого, уверенность, что «заграница нам поможет».

Но Залусский не указал на третью, бросающуюся в глаза особенность менталитета польской элиты – исключительное презрение к своему народу. Ведь польская элита, как, впрочем, и элита остальных стран, в подавляющем своем числе кормится из налогов, собираемых с населения. Ну хотя бы с этой, корыстной точки зрения польская элита могла учесть интересы польского народа? Ведь в 1939 г. польская элита отдала Польшу немцам – неприкрытым расистам, не считавшим основную массу поляков за людей, а Польшу – за государство.

И, наконец, четвертая особенность менталитета польской элиты – исключительная алчность и продажность. Если говорить о поляках образца 30-х годов, то к месту будет вспомнить мнение Маршала Польши Юзефа Пилсудского о войне 1920 г.: *«...я же постоянно вынужден был следить за тем, чтобы не произошло предательства. Такая угроза существовала и в Генеральном штабе, и среди генералов, и в Сейме, и в Министерстве иностранных дел. ...Я победил вопреки полякам – с такими полячишками я вынужден был постоянно бороться.*

...Правительству я доверять не мог, потому что оно крало еще беззастенчивее. У меня не было никакого доверия к Сейму и правительству.

...В Генеральном штабе каждый иностранец мог читать все, что хотел, военные тайны проникали к немцам и большевикам. Никаких секретов, по существу, не было.

...В Верховном командовании творились огромные злоупотребления. Вероятно, и многие депутаты Сейма были в них замешаны: не одно депутатское состояние было сколочено в результате злоупотреблений в военном хозяйстве, особенно грязным было дело о разворованных трофеях, взятых у немцев.

...Я одерживал победы тогда, когда бросал к черту другие дела, брался за главное – командование и побеждал. Победы одерживались с помощью моего кнута»².

Дополнив Залусского, я все же не могу с ним согласиться по двум причинам. В 1939 г. речь шла о спасении, а когда ты тонешь и тебе подает руку пусть даже тот, кого ты сильно обидел раньше, разве ты не возьмешь эту руку, даже если это рука москаля? Нет, в 1939 г. вопрос был в том, что польская элита вообще была не способна понять, что она тонет.

И второе. Залусский считает, что это от войны 1920 г., от победы в ней мозги польской элиты встали набекрень, шарики закатились за ролики и винтики из головы повыпадали. А разве раньше в истории Польши было по-другому?

Возьмем в качестве эксперта русского историка XIX века С.М. Соловьева. Более чем за 200 лет до Второй мировой войны Польша была суверенна. 1 февраля 1733 года умер польский король Август II. Предстояли выборы нового короля.

Россию по-прежнему терзали набегами крымские татары – вассалы Турции. Органическим врагом Турции была Австрия. Враг моего врага – мой друг. Так надолго Австрия стала пусть и неверным, но союзником России. Но соперником Австрии на континенте была Франция, по тем же причинам для нее любой враг Австрии и России был другом. В Швеции нарастали силы, жаждавшие реванша за поражения, нанесенные ей Россией в Северной войне. Пруссия спокойно выжидала в нейтралитете, чтобы отхватить в этой драке куски пожирнее.

Европа разделилась на два лагеря – в одном Россия с Австрией и лишь потенциально Англия – традиционная противница Франции. В другом – Франция, Турция, Швеция. Оба

лагеря бросились в Польшу с тем, чтобы обеспечить там короля, лояльного к своему союзу. Франция боролась за Станислава Лещинского, Россия – за курфюрста саксонского Августа.

22 февраля 1773 года российская императрица собрала министров и генералитет, которые постановили:

«1) По русским интересам Лещинского и других, которые зависят от Короны Французской и Шведской и, следовательно, от Турецкой, до Короны Польской допустить никак нельзя.

2) Для того отправляемые в Польшу министры должны усиленно стараться денежные и другие пристойные способы употреблять сообща с министрами союзников, чтобы поляков от избрания Лещинского и других подобных ему отвлечь, для того этих министров надобно снабдить денежными суммами.

3) А так как может случиться, что вышеозначенные способы для отвращения таких вредных русскому государству предприятий окажутся недостаточными... без упущения времени на самих границах поставить 18 полков пехоты и 10 полков конницы... донских казаков 2000, гусар украинских сколько есть, из слободских полков 1000, из Малороссии 10 000, Чугуевских калмыков 150 да волжских тысячи 3».

Как в воду глядели: «пристойных способов» оказалось недостаточно. Пока из Вены в Варшаву шло 100 000 червонных, а посланник саксонский давал ежедневные обеды всего на 40 человек, пока русские везли туда «денежные суммы», шустрые французы сунули польской элите более миллиона ливров и та проголосовала за Станислава Лещинского.

Но подоспели деньги австрийские и русские. Ничего. Польская элита и их взяла и еще раз проголосовала. Теперь за курфюрста саксонского. В Польше оказалось два «законных» короля: один – профранцузский, другой – прорусский. Россия двинула в Польшу войска.

Лещинский стал собирать вокруг себя верных шляхтичей. Казалось, в патриотическом подъеме гордые поляки должны были дать мощный отпор интервентам. Куда там! Историк Соловьев эти события описывает так:

«...русские беспрепятственно били приверженцев Станислава в Польше и Литве. Мы видели, что этих приверженцев было много, но вместо того, чтобы вести войну с русскими, они занимались усобицею, опустошением земель своих противников, приверженцев Августа. Они вредили русским войскам только тем, что утомляли их бесполезными переходами. Иногда большие массы поляков приближались к русскому отряду, распуская слух, что хотят дать сражение: но не успеют русские дать два пушечных выстрела, как уже поляки бегут; никогда русский отряд в 300 человек не сворачивал с дороги для избежания 3000 поляков, потому что русские привыкли бить их при встречах».

Лещинский сбежал в Данциг – сильную крепость, к тому же усиленную 2000 присланных Францией солдат. Европа помогла! К Данцигу подошла русская пехота. Однако король Пруссии не давал подвезти через свою территорию осадную артиллерию. Пока российский фельдмаршал Миних с ним по этому поводу торговался, пехота взяла укрепленное предместье Данцига, разумеется, с польскими пушками и боеприпасом. С помощью этих пушек блокировала Данциг и вела его бомбардировку. Наконец, подтянули осадную артиллерию, и Данциг сдался вместе с французами. Лещинский снова бежал.

А в Польше в это время русские министры продолжают тратить «денежные суммы», пытаясь «пристойным способом» утихомирить расхолодившуюся польскую элиту. Страницы истории, посвященные этому периоду, напоминают бухгалтерские книги: *«Теце коронного гетмана 1500 и 20 000, дочери его – 1300, литовскому гетману – 800, жене его – 2500, примасу – 3166 (ежегодно), духовнику его – 100, сеймовому маршалу на сейме 1738 года – 1000, депутатам – 33 000 и т. д.»*³.

Чем польская элита XVIII века отличалась от польской элиты XX века? Та же спесь и тот же трусливый драп от малейшей опасности, то же презрение к интересам народа, та же надежда на «заграницу» и та же продажность, на которую сетовал Пилсудский.

Можете сказать, что этот эксперт – Соловьев – сторонник русской империи и потому так плохо пишет о свободолюбивых поляках. Но вот абсолютный сторонник польской свободы анархист Петр Кропоткин. Он описывает историю польского восстания 1863 г. Это восстание имело огромную поддержку среди русской, так сказать, интеллигенции, влиятельной части тогдашней элиты России. Кропоткин пишет: *«Никогда раньше польскому делу так много не сочувствовали в России, как тогда. Я не говорю о революционерах. Даже многие умеренные люди открыто высказывались в те годы, что России выгодно иметь Польшу хорошим соседом, чем враждебно настроенной подчиненной страной. ...Когда началась революция 1863 года, несколько русских офицеров отказались идти против поляков, а некоторые даже открыто присоединились к ним и умерли или на эшафоте, или на поле битвы. Деньги на восстание собирались по всей России, а в Сибири даже открыто. В университетах студенты снаряжали тех товарищей, которые отправлялись к повстанцам»⁴.*

...Революция имела такой серьезный характер, что против поляков двинули из Петербурга даже гвардию. Теперь известно, что, когда Михаила Муравьева посылали в Литву и он пришел проститься с императрицей Марией Александровной, она сказала ему:

– Спасите хоть Литву!

Польша считалась уже утерянной»⁵.

Давайте себе представим, что это мы, читатели этой книги, и есть польские революционеры 1863 г. Мы подняли восстание против России. Что бы мы сделали в первую очередь?

1. Мы бы постарались не сильно раздражать русское общество, чтобы иметь в нем поддержку изнутри.

2. Мы постарались бы прочно закрепиться хоть на каком-нибудь клочке Польши и добиться на нем своего признания своим главным врагом – Россией. Остальные земли с поляками мы присоединим потом, когда станем сильнее. Ведь Ленин в 1918 г. отдал немцам Украину, полякам в 1920 г. отдал часть Белоруссии и Украины, Бессарабию отдал румынам. И ничего – потом все вернулось.

3. Нам будут нужны солдаты, а это крестьяне. Следовательно, мы бы сделали все, чтобы расположить к себе их, расположить к себе народ. Большевики – партия рабочих, тем не менее, как только они пришли к власти, они тут же отдали крестьянам всю помещичью землю. Это тем более требовалось сделать в Польше в 1863 г., поскольку освобождение крестьян в 1861 г. от крепостной зависимости там было проведено с гораздо большими тяготами для крестьян, чем даже в России.

Так бы сделали мы – русские на польском месте. А вот что сделали реальные поляки в 1863 г. Кропоткин продолжает:

«Но вот среди общего возбуждения распространилось известие, что в ночь на 10 января повстанцы напали на солдат, квартировавших по деревням, и перерезали сонных, хотя накануне казалось, что отношения между населением и войсками дружеские. Происшествие было несколько преувеличено, но, к сожалению, в этом известии была и доля правды. Оно произвело, конечно, самое удручающее впечатление на общество. Снова между двумя народами, столь сродными по происхождению, но столь различными по национальному характеру, воскресла старая вражда.

Постепенно дурное впечатление изгладилось до известной степени. Доблестная борьба всегда отличавшихся храбростью поляков, неослабная энергия, с которой они сопротивлялись громадной армии, скоро вновь пробудили симпатию к этому героическому народу. Но в то же время стало известно, что революционный комитет требует восстановления Польши в старых границах, со включением Украины, православное население которой ненавидит панов и не раз в течение трех последних веков начинало восстание против них кровавой резней.

Кроме того, Наполеон III и Англия стали угрожать России новой войной, и эта пустая угроза принесла полякам более вреда, чем все остальные причины, взятые вместе. Наконец,

радикальная часть русского общества с сожалением убедилась, что в Польше берут верх чисто националистические стремления. Революционное правительство меньше всего думало о наделинии крепостных земель, и этой ошибкой русское правительство не преминуло воспользоваться, чтобы выступить в роли защитника хлопов против польских панов⁶.

Александр Ипослал Н. Милютину в Польшу с полномочием освободить крестьян по тому плану, который последний думал осуществить в России, не считаясь с тем, разорит ли такое освобождение помещиков или нет.

– Поезжайте в Польшу и там примените против помещиков вашу красную программу, – сказал Александр Ипослал Милютину.

И Милютин вместе с князем Черкасским и многими другими действительно сделал все возможное, чтобы отнять землю у помещиков и дать крестьянам большие наделы⁷.

А вот результат:

«Вооруженные банды повстанцев держали весь край, – рассказывал мой двоюродный брат. – Мы не могли не только разбить, но и найти их. Банды нападали беспрестанно на наши небольшие отряды; а так как повстанцы сражались превосходно, отлично знали местность и находили поддержку в населении, то они оставались победителями в таких случаях. Поэтому мы вынуждены были ходить всегда большими колоннами. И вот мы ходили все время по всему краю, взад и вперед, среди лесов, а конца восстанию не предвиделось. Пока мы пересекали какую-нибудь местность, мы не встречали никакого следа повстанцев. Но как только мы возвращались, то узнавали, что банды опять появлялись в тылу и собирали патриотическую податль. И если какой-нибудь крестьянин оказал услуги нашим войскам, мы находили его повешенным повстанцами. Так дело тянулось несколько месяцев, без всякой надежды на скорый конец, покуда не прибыли Милютин и Черкасский. Как только они освободили крестьян и дали им землю, все сразу изменилось. Крестьяне перешли на нашу сторону и стали помогать нам ловить повстанцев. Революция кончилась»⁸.

Вот и сравните эту историю с поведением поляков в 1939 г. – в чем разница? Уже и царь был готов сделать Польшу суверенной, и русское общество за поляков переживало и всячески им помогало, но польская элита сделала все, чтобы освобождения не произошло. Причем ее действия какие-то до предела бессмысленные. Зачем, скажем, не укрепившись ни в одном польском воеводстве, объявлять, что цель повстанцев захватить и оторвать от России Украину?

Вот мнение человека незаурядного, яркого представителя противников коммунизма, инициатора «холодной войны», который к тому же прекрасно знал лично всю головку польской элиты тех времен. Уинстон Черчилль, политик, прекрасный художник и выдающийся историк, ставший за свои исторические труды лауреатом Нобелевской премии. В 1940–1945 гг. был премьер-министром Великобритании, т. е. по долгу службы общался с правительством Польши в изгнании – с теми, кто predeterminedил разгром Польши немцами в 1939 г. В своем капитальном труде «Вторая мировая война» сэр Уинстон изворачивается, как вьюн, чтобы о Катинском деле и правды не сказать в разгар «холодной войны», и не врать явно, но в целом от этого раздела остается явное впечатление, что в Катини поляков расстреляли русские. Так что поляки к его труду должны относиться с полным доверием. В том числе и к тем местам книги, в которых он пишет о Польше: «Нужно считать тайной и трагедией европейской истории тот факт, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, добродетельны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И все же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости»⁹.

А вот мнение о польской элите еще одного незаурядного человека, тоже яркого противника СССР, прекрасного полководца, которого даже немцы, в этом деле небесталанные, хотели видеть главнокомандующим немецко-польских армий в войне с СССР, фактического основателя довоенной Польши Юзефа Пилсудского. Уже в 1927 г. на съезде легионеров в Калише он сказал: *«Я выдумал множество красивых слов и определений, которые будут жить и после моей смерти и которые заносят польский народ в разряд идиотов»*. Когда Пилсудский тяжело заболел и понимал, что скоро умрет, эта мысль становится навязчивой: *«Я не раз думал о том, – говорил он в разговоре со Сливиньским, – что, умирая, я прокляну Польшу. Сегодня я осознал, что так не поступлю. Когда я после смерти предстану перед Богом, я буду его просить, чтобы он не посылал Польше великих людей»*¹⁰.

Адъютант Пилсудского, капитан М. Лепецкий, вспоминал, что однажды, выведя Пилсудского из задумчивости своим появлением, услышал: *«Дурость, абсолютная дурость. Где это видано – руководить таким народом двадцать лет, мучиться с вами»*¹¹. Один из премьер-министров тогдашней Польши Енджеевич отмечал в воспоминаниях, что за два дня до своего ухода с поста в мае 1934 года он навестил Маршала и в конце визита пережил момент, который никогда не мог забыть. *«Я встал, желая проститься. Но он задержал меня, указав на стул. Я сел. Лицо Маршала, до этого спокойное и приветливое, вмиг изменилось. Черты осунулись, густая сеть морщин стала более выразительной, из-под кустистых насупленных бровей смотрели на меня глаза, уставшие от тревоги и забот. Глаза страдающего от болезни человека. Это не горечь, не жалость, а неуверенность и опасение глядели из-под бровей. До конца жизни буду помнить выражение этого страдальческого и усталого лица, которое было в тот момент передо мной. После долгого молчания я услышал шепот: «Ах уж эти мои генералы, что они сделают с Польшей после моей смерти?» Он повторил эти слова во второй и в третий раз. ...Дальнейших слов Маршала не могу повторить. Я сидел ошеломленный и подавленный...»*¹².

Таким образом, накануне Второй мировой войны правительству СССР пришлось иметь дело, словами Черчилля и Пилсудского, с гнусными идиотами во главе Польши. Причем, как отмечал и Черчилль, это не случайность, а польская традиция. Можно даже сказать, что сажать себе на шею гнусных идиотов – это польский национальный вид спорта. Жаль, конечно, что в этом виде спорта нынешняя Россия все чаще и чаще завоевывает золотые медали на мировых первенствах. При таких достоинствах польской элиты всему миру было бы хорошо, если бы вся Польша вместе со всей своей элитой переехала куда-нибудь в Канаду или Мексику, но накануне Второй мировой, к несчастью всех стран, Польша была соседкой СССР. И это все определило.

Начало суверенитета Польши

Суверенной соседкой СССР (тогда РСФСР) Польша стала в результате Первой мировой войны. До нее поляки жили на территории трех империй: Германской, Австро-Венгерской и Российской. Первые две проиграли войну, а с Россией дело было еще хуже – из-за своего коммунистического правительства она стала мировым изгоем. Поэтому наделил поляков землей под вновь испеченное государство союз стран – победительниц в Первой мировой – Антанта, – который с Россией не стал и советоваться. Границы Польши проводились так, чтобы районы с преобладанием польского населения включались в Польшу, а те, где поляков меньшинство, – оставались в составе соседних с ней стран. Восточная граница Польши (так называемая «линия Керзона») проходила примерно там, где она существует и ныне.

Думаю, что элита любого другого народа, получив независимость, стала бы, как, к примеру, чехи, обустраивать свою страну, доказывая населению, что суверенитет себя оправдывает и в материальном плане. Но это элита любого другого народа, а мы имели дело с поляками.

Пользуясь послевоенной слабостью соседей, раздираемых к тому же гражданскими войнами и конфликтами, Польша отхватила у них территории за границами, определенными Антантой. Отхватила практически у всех, никого не забыла. Причем Польша вела себя чисто по-польски – нагло до предела. К примеру, у буржуазной Литвы отхватила Виленскую область вместе со столицей Литвы Вильнюсом. А когда Антанта потребовала эту область вернуть Литве, то поляки заявили, что польские войска, захватившие Виленщину, взбунтовались и не хотят уходить¹³, а польское правительство с этими своими войсками ну ничего поделаться не в состоянии. Целый год уговаривали свои войска уйти из Литвы, уговаривали, а уговорить так и не сумели. И Антанта в 1923 г. согласилась с этой польской наглостью¹⁴. По этой причине Литва, само собой, дипломатических отношений с Польшей не устанавливала.

Отхватила Польша и кусок территории, отписанной Антантой Чехословакии, отхватила не полагавшиеся ей территории Германии, но особенно поживилась за счет раздираемой гражданской войной РСФСР. Украину и Белоруссию обкарнала немного не наполовину. До заключения с Польшей пакта о ненападении Украина даже столицу перенесла в Харьков, поскольку Киев был чуть ли не пограничным городом. Естественно, что все соседи Польшу дружно ненавидели, и, чего тут греха таить, особенно ее ненавидел СССР. И даже не столько за захват и порабощение единокровных народов (ведь большевики надеялись на скорую победу пролетариата во всем мире), а за то, что Польша, объявив себя оплотом Запада против большевизма, содержала на своей территории банды, которые вторгались в СССР, убивали советских людей, а затем удирали в Польшу. И банды немалые. Скажем, осенью 1921 г. на Украину вторглась банда Палия в составе двух тысяч человек, месяц она грабила Украину, а когда советские войска ее прижали, спокойно отступила в Польшу¹⁵. То же продолжалось и в дальнейшем.

Я хотел бы остановиться на истории отношений СССР и Польши в принципе, не вдаваясь в подробности, отвлекающие от темы. Кого эти подробности заинтересовали, тому рекомендую очень основательную работу М. Мельтюхова «Советско-польские войны».

Итак, в СССР Польшу безусловно ненавидели, и было за что, но если Германия или даже Литва могли себе позволить соответствующее своей ненависти поведение, то Советский Союз был в этом вопросе связан: он был изгоем, против которого ополчился весь буржуазный мир, и ему как никому важно было иметь на границах мирных соседей. Поэтому СССР искал дружбы даже с такой Польшей.

Скажем, как ни был ненавистен народу Советского Союза Ю. Пилсудский, главнокомандующий польских войск, победивших в 1920 г. Красную Армию, но когда он умер, то в СССР был объявлен траур¹⁶. С 1926 г. дипломаты СССР настойчиво добивались от Польши заклю-

чения пакта о ненападении и добились этого только в 1932 г., причем поляки согласовали срок действия пакта аж на целых три года. Между тем в это время сами поляки хотели заключить пакт о ненападении с Германией, но до прихода Гитлера к власти им этого сделать не удалось – догитлеровские немцы захват своих земель Польше не прощали.

И чем больше СССР «стелился» под Польшу, чем больше пытался установить с ней дружеские отношения, тем более нагло вели себя поляки, особенно после того, как к власти в Германии пришел Гитлер.

14 декабря 1933 г. Советское правительство в связи с агрессивными планами Германии в отношении Прибалтики предложило польскому правительству опубликовать совместную советско-польскую декларацию (Балтийская декларация), в которой указывалось бы, что обе страны заявляют о твердой решимости защищать мир в Восточной Европе и что в случае угрозы Прибалтийским странам они обсудят создавшееся положение. Опубликование этой декларации могло иметь существенное значение в деле сохранения мира в Прибалтике.

19 декабря 1933 г. польское правительство, с одной стороны, сообщило, что оно в принципе принимает советское предложение, но, с другой стороны, вело одновременно секретные переговоры с гитлеровской Германией. После того как 26 января 1934 г. была подписана польско-германская декларация о дружбе и ненападении, польское правительство заявило правительству СССР, что оно считает вопрос о советско-польской декларации отпавшим.

28 декабря 1933 г. Советское правительство выдвинуло предложение о заключении регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии, в котором приняли бы участие СССР, Франция, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Бельгия. Впоследствии было решено (по предложению Англии) пригласить к участию в соглашении также и Германию. Заключение этого соглашения (Восточного пакта) могло явиться важнейшей мерой по обеспечению мира и безопасности в Европе.

Германия выступила, однако, против заключения Восточного пакта, не без основания считая, что он будет препятствовать осуществлению ее агрессивных планов. Восточный пакт мог бы быть, правда, заключен и без участия Германии, как это с самого начала и предлагало Советское правительство. Однако Польша заявила 27 сентября 1934 г., что она не может принять участие в Восточном пакте, если в нем не будет участвовать Германия^{17;18}.

Правящие круги Польши неоднократно выступали с требованиями о предоставлении Польше колоний. В этом вопросе, как и во многих других, политика ее правящих кругов шла в русле политики фашистской Германии. Польская дипломатия добровольно взяла на себя защиту интересов гитлеровской Германии в Лиге Наций, которую Германия демонстративно покинула в 1933 г. С трибуны Лиги Наций польские дипломаты оправдывали наглые нарушения Гитлером Версальского и Локарнского договоров: введение в Германии всеобщей воинской повинности, отмену военных ограничений, вступление гитлеровских войск в демилитаризованную Рейнскую зону в 1936 г. и др. Польское правительство занимало благоприятную по отношению к агрессивным государствам позицию во всех крупных международных конфликтах в предвоенный период, будь то захват Италией Эфиопии, гражданская война в Испании, нападение Японии на Китай, захват Германией Австрии или расчленение Чехословакии. Польские колониальные требования, естественно, находили поддержку со стороны фашистской Германии, поскольку они служили дополнительным обоснованием «справедливости» немецких колониальных притязаний¹⁹.

Но дело даже не в колониях, а в том, что элита Польши поставила себе целью иметь Польшу в границах 1772 г. и, соответственно, захват Украины и создание Польши от «моря до моря», т. е. от Балтики до Черного моря. Элиту Польши не смущало, что уже на тот момент в Польше поляков было всего около 60 %, не останавливало и то, что нигде по Украине не ходят толпы украинцев с плакатами «Хотим присоединиться к Польше!». «Гнуснейшим из гнусных» хотелось Украины, и все тут!

Правда, поляки понимали, что сами они Украину не отвоят, но тут, на их счастье, к власти в Германии приходит Гитлер и в «Майн кампф» открыто заявляет: *«Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на Востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего – к политике территориальных завоеваний.*

Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба как бы указывает нам путь.

*...Наша задача, наша миссия должна заключаться прежде всего в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет нам немецкий меч»²⁰. В связи с такой разговорчивостью, как только нацисты пришли к власти в Германии, Советское правительство официально поставило перед Гитлером вопрос, остается ли в силе его заявление об экспансии на Восток, сделанное им в «Майн кампф». Ответа не последовало, и Советское правительство было вынуждено констатировать: *«По-видимому, это заявление остается в силе, ибо только при этом предположении становится понятным многое в теперешних отношениях Германского правительства с Советским Союзом»²¹.**

Гитлер и «гнусливейшие из гнусных» стали искренними союзниками в вопросе расчленения СССР, и если этого не учитывать, то трудно понять, что же произошло в 1939 г.

Польша «А» и Польша «Б»

Но сначала давайте дорассмотрим до конца, что собой представляла довоенная Польша. Я снова дам высказаться по этому поводу польскому публицисту и историку Збигневу Залускому:

«Несмотря на одержанные Польшей военные успехи, Рижский договор не носил колониального характера, как польский проект начала 1920 года. Но все же он был военным диктатом. Граница, которую он определил, проходила не по какой-то рациональной линии, которую можно обосновать исторически, географически, этнографически или политически, а в основном в соответствии с довольно случайной конфигурацией линии фронта, достигнутой польскими войсками во время осенней кампании.

...Договор, результат победоносных сражений, зафиксировал политическое поражение мнимого победителя, маршала Пилсудского. Ему пришлось отказаться от идеи создания Надднепровской Украины, бросить на произвол судьбы своих союзников – Петлюру на Украине, Булак-Булаховича – в Белоруссии. Того, что завоевала Польша из восточных земель, не хватало уже ни на какую федерацию, ни на какое буферное государство. Последняя попытка этой политики – переворот Желиговского в Вильно и образование Центральной Литвы – провалилась из-за негативного отношения к идее федерации как со стороны литовцев, так и белорусов. Провалилась, впрочем, без какого бы то ни было влияния Советской России и Красной Армии.

...Польша была создана точно по рецепту Дмовского как единое польское государство, государство польского народа, с которым были формально полностью интегрированы восточные окраины, без каких-либо несбыточных мечтаний о полусамостоятельности, автономии, самоуправлении или других правах и особенностях.

Польша формально единая, а по существу многонациональная. Владение восточными землями стало фактором постепенного регресса Польши.

Польша Пилсудского во внутренней политике руководствовалась националистическими канонами Дмовского. Вначале созванный генералом Желиговским сейм Центральной Литвы отверг все концепции самостоятельности или автономии литовско-белорусских земель и потребовал полной интеграции Вильно с Варшавой. Позднее тех, кто в принадлежащей до этого России части Польши записался как «местные», окрестили поляками. Еще позже некогда униатские, а более ста лет православные церкви на Волыни были превращены в католические костелы и целые деревни стали польскими. Только на Волыни в 1938 году были превращены в костелы 139 церквей и уничтожено 189, осталось лишь 151.

Итак, в бывшей Восточной Галиции шаг за шагом ликвидировались украинские культурные и экономические организации, закрывались школы. Опять же на Волыни – в деревне, где 80 процентов населения составляли украинские крестьяне – из 2000 начальных школ было только 8 украинских.

Но результаты колонизации этих земель были ничтожными. За 18 лет польского правления численность польского населения на Волыни выросла с 7,5 до 15 процентов, с учетом наплыва служащих, железнодорожников и сотрудников государственного и административного аппарата. Похожая ситуация была и в других восточных воеводствах.

Не увенчалась успехом попытка колонизации «местных элементов». Под влиянием давления на них ширился и углублялся процесс национального самосознания, особенно в деревне. Войско «усмиряло» беспокойные украинские деревни в Тарнопольском воеводстве, расстреливало крестьянские демонстрации на Волыни. В тюрьмах в Березе Картузской² полиция издева-

---

² Концентрационный лагерь в Польше тех времен.

лась над арестованными украинцами, в ответ гибли от пуль террористов и министр санитарного правительства, и школьный куратор, и невинные простые люди. Росли напряженность и враждебность. Презрение правящих рождает ненависть угнетаемых.

Никогда межвоенная Польша не была, по существу, интегрированной страной. Всегда в ней была Польша А и Польша Б. Это касалось не только экономической политики государства, но и позиций всех политических сил. Все они игнорировали в своей деятельности восточные окраины. Сознательно не вовлекала их в борьбу с диктатурой Пилсудского парламентская оппозиция, их не затронули ни массовые забастовки, организованные главным образом ППС в 1936 году, ни манифестации людовцев 1937 года. Служащих государственной администрации отправляли на восточные окраины, как на ссылку в Сибирь.

18 лет использования созданных Рижским договором условий для реализации инкорпорационной концепции не принесли результатов. В экономическом смысле Польша Б не стала золотым прищком. Крестьянская нищета отрицательно сказывалась на экономическом балансе страны. Колонизация этих земель не удалась, и они не способствовали ликвидации земельного голода в масштабах страны. Более того, эти земли – чуждые, бунтарские – требовали больших инвестиций, чем коренные польские. Жители восточных окраин оказались в худшей ситуации, чем поляки в период разделов Польши под чужим господством.

Вопреки надеждам Дмовского, Польша оказалась неспособной привлечь на свою сторону и ассимилировать национальные меньшинства на Востоке – ни в национальном, ни в культурном, ни в экономическом смысле. В то же время своей политикой, своим присутствием она способствовала развитию националистических извращений в освободительном движении этих народов, взаимной ненависти.

...Этому не способствовали, разумеется, мелкие «укусы» в отношении СССР – поддержка различных антисоветских акций, осуществляемых с территории Польши, как, например, деятельность террористов Бориса Савинкова, вылазки Булаховича на Белоруссию и атамана Тютюнника на Украину. Советский Союз раздражало также создание в Польше организаций, объединяющих националистических деятелей Белоруссии, Украины, крымских и казанских татар, Грузии и Азербайджана, калмыков, таджиков и даже кубанских казаков.

Однако главным для польских правящих кругов было опасение какого бы то ни было политического сближения с СССР, которое могло усилить привлекательность и влияние Советской Украины и Советской Белоруссии на население польских окраин. На этих территориях долго еще после заключения Рижского мира тлела крестьянско-национальная и белорусско-украинская советская подпольная война, поддерживаемая из-за кордона минскими и киевскими коммунистами.

Эти опасения за восточные земли определяли в значительной мере сохраняемую изоляцию и подогреваемую неприязнь Польши к Советскому Союзу. Даже перед лицом угрозы гитлеровского нашествия и рассматриваемой возможности получения советской военной помощи. Ибо эта помощь означала практически вступление советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину. Вступление – как считали в Варшаве – с непредсказуемыми последствиями для судеб польской власти на этих землях»²².

Залусский поляк, и он либо не понимает того, о чем надо было бы написать, либо не хочет об этом говорить. К примеру, как вы увидите ниже, поляки в августе 1939 г. совершенно не боялись, что вхождение на их территорию советских войск отторгнет от них украинские и белорусские земли. Но пока не об этом.

То, что советские войска освобождали украинцев и белорусов от польского расизма, было основанием радости для этих народов, но это еще не было основанием их единодушного решения войти в состав СССР. Ведь среди украинского и белорусского населения были сильны националистические организации, имевшие целью суверенитет, а сионистские организации польская армия на свою голову даже обучала военному делу. Националистов вхождение

в Советский Союз не радовало²³. Ведь СССР этим националистам не подыгрывал ни в малейшей мере и беспощадно боролся с ними²⁴. Почему же когда СССР организовал голосование по решению вопросов: «1. Утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам; 2. Решить вопрос о характере власти, т. е. должна ли быть эта власть советская или буржуазная; 3. Решить вопрос о вхождении в состав СССР, т. е. о вхождении украинских областей в состав УССР, о вхождении белорусских областей в состав БССР; 4. Решить вопрос о национализации банков и крупной промышленности»²⁵, – то на выборы депутатов, которые должны были положительно ответить на эти вопросы, из 7 538 586 избирателей пришло 94,8 %, из которых «за» проголосовало 90,8 %, а «против» – 9,2 %?²⁶

У бригады Геббельса и их братьев по разуму на этот вопрос ответ готов: потому, что работники НКВД всем тыкали маузером в зубы и угрозой смерти заставляли голосовать именно так. Умственно недоразвитых такой ответ вполне устраивает, а у остальных возникают вопросы.

Для того чтобы силой заставить население определенным образом проголосовать, нужно репрессиями запугать народ, что при тайном голосовании вообще-то нереально, или нужно во все избиркомы (а их была масса – избирался один депутат на 5000 населения, т. е. около 1500 депутатов) подобрать своих людей для подтасовки выборов, а всех кандидатов соответственно обработать. А вот для этого нужно время даже НКВД, поскольку его работникам нужно сначала создать агентурную сеть, выявить противников, арестовать их, выявить покладистых, рекомендовать их в избирательные комиссии, заставить собрания за них проголосовать, подобрать нужных депутатов, обеспечить их выдвижение и т. д. и т. п. Такое теоретически возможно, но для этого, повторяю, нужно очень много времени. К примеру, в СССР проститутки были не в почете, и их высылали в отдаленные области СССР, избавляясь от специалисток ненужной профессии. И проститутки из западных областей УССР и БССР тоже были выселены, но только через 7 месяцев после присоединения²⁷. Оцените, сколько времени потребовалось НКВД, чтобы выявить проституток и составить список этих особ, действовавших легально.

А с присоединением западных областей дело происходило в таком темпе: 17 сентября 1939 г. Красная Армия с небольшими боями стала входить в эти области, беря в плен польские армии, полицию и жандармов, 1 октября СССР перед народом этих областей поставил перечисленные выше вопросы, а 22 октября этого же 1939 г. избиратели проголосовали²⁸. Ну как за три недели в стране, в которой по лесам еще слонялись неразоруженные войска Польши, НКВД мог успеть организовать и провести работу по запугиванию населения?

Теперь о реальных репрессиях по запугиванию избирателей. За три с половиной месяца (сентябрь – декабрь 1939 г.) НКВД арестовал 19 832 человека, из которых 72,1 % были арестованы за уголовные преступления и за нелегальный переход границы. Но положим, что все они были арестованы до 22 октября и с целью запугать население перед выборами. Много это или мало? Из расчета 7,5 млн избирателей это один арестованный на 375 человек. А в нынешней России в тюрьмах сидит более миллиона заключенных при примерно 100 млн избирателей, а это один репрессированный на 100 человек. И никто не боится, и все считают нынешнюю Россию самой демократической страной в ее истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.